

Осень постепенно вступала в свои права, и вместе с холодами пришёл сезон простуд. В городе S вспыхнула эпидемия тяжёлого гриппа — в школе, где учился Ли Чжи, классы стремительно пустели, а учеников одного за другим отправляли лечиться домой.

Закон подлости работает без осечек. Те, кто вечно крутился в самой гуще школьной жизни и общался со всеми подряд — вроде того же Хань Цзыяо, — оставались бодры и невредимы. Ли Чжи же, старавшийся держаться особняком, ухитрился подхватить заразу в числе первых.

Очнувшись, он обнаружил, что лежит на спине, вытянувшись струной. Голова раскалывалась — то ли от высокой температуры, то ли от долгого забытья. Стоило ему шевельнуть плечом, пытаясь перевернуться на бок и хоть немного унять тупую боль в висках, как чья-то рука мягко, но настойчиво прижала его обратно к постели.

— Молодой господин, не двигайтесь, пожалуйста. Игла может выйти из вены.

Ли Чжи с трудом сфокусировал взгляд. Из его левой руки тянулась тонкая прозрачная трубка капельницы. Очертания мебели, портьеры на окнах — всё было знакомым. Он лежал в собственной спальне.

На балконе, повернувшись к нему спиной, стояла женщина, накинув на плечи шаль с длинной бахромой. Она курила, глядя на раскинувшийся внизу сад. Сквозь полуоткрытую стеклянную дверь Ли Чжи видел лишь её густые, спадающие до самой поясицы тёмные волосы, похожие на шёлковые водоросли, и лениво поднимающиеся к небу струйки сизого дыма. Это была Ван Сяочунь.

Семейный доктор вложил Ли Чжи в рот термометр. Спустя несколько минут он аккуратно вынул его и посмотрел на шкалу.

— Тридцать девять градусов. Молодой господин, как вы себя чувствовали эти дни? Что именно болит?

— Голова... — выдавил Ли Чжи. Собственный голос показался ему чужим — хриплым, едва различимым шёпотом. — Слабость жуткая. И тошнит... Всё, что ни съем, сразу обратно.

Врач понимающе кивнула и жестом подозвала медсестру, чтобы та взяла кровь на анализ. Но стоило девушке закатать рукав пижамы юноши, как она в ужасе отшатнулась, прижав ладонь к губам:

— О боже!..

— Что за паника? — недовольно осадил её доктор.

Медсестра испуганно метнула взгляд на Ли Чжи, поспешно утирая выступивший на лбу

холодный пот:

— Ничего... Всё в порядке.

Она торопливо, стараясь не смотреть на руку пациента, набрала кровь в пробирку. Сознание Ли Чжи снова начало уплывать в зыбкий туман. Сквозь полузабытьё он расслышал тихий шорох раздвижной балконной двери. В комнату кто-то вошёл. Судя по мягким шагам, это была Ван Сяочунь. Доктор заговорил с ней вполголоса, с подчёркнутым почтением:

— Судя по симптомам, госпожа... это грипп А. Но точный диагноз мы сможем поставить только после того, как придут результаты анализов.

— И сколько ждать? — спросила Ван Сяочунь, поправляя сползающую с плеч шаль.

— Около часа, не меньше, госпожа Ван.

Женщина недовольно нахмурилась и небрежным жестом велела им удалиться. Однако медсестра, шедшая следом за врачом, вдруг помедлила. Сделав шаг назад, она приблизилась к хозяйке дома и что-то тихо зашептала ей на ухо.

В глазах Ван Сяочунь на мгновение мелькнуло изумление. Заметив это, доктор сердито зыркнул на подчинённую, мысленно проклиная её за излишнее любопытство, и поспешил вмешаться:

— Мы пойдём, госпожа Ван. Не смеем вам мешать.

Но та даже не взглянула на них. Она застыла, гипнотизируя взглядом мерно капающий раствор в прозрачном пластиковом флаконе капельницы. Лишь когда дверь за медиками закрылась, она медленно перевела взгляд на постель.

Сделав шаг вперёд, Ван Сяочунь протянула руку к спящему сыну. Её холёные пальцы заметно дрожали — непривычное, пугающее зрелище.

До рукава пижамы оставалось всего пара сантиметров, когда она внезапно замерла. Пальцы судорожно сжались, и женщина медленно отняла руку.

Раздался сухой, отчётливый стук каблуков по паркету. С каждым шагом звук становился всё тише, пока окончательно не растаял за закрывшейся дверью спальни.

Лабораторный отчёт подтвердил худшие опасения — это действительно был грипп А.

Впрочем, и Ван Сяочунь, и сам Ли Чжи прекрасно понимали: дело вовсе не в банальной простуде.

Болезнь свалила его мгновенно. Ли Чжи переносил заразу гораздо тяжелее своих одноклассников. Первые два дня его лихорадило так, что даже под тремя пуховыми одеялами он чувствовал себя затерянным в ледяной пустыне. Голова буквально раскалывалась, а в горле словно ворочались острые лезвия — каждый глоток превращался в пытку.

Постепенно лекарства и капельницы начали действовать: жар спал, а повторный анализ крови показал, что все ключевые показатели пришли в норму. Но легче не становилось. Ли Чжи лежал пластом, лишённый всяких сил. Принесённую вечером пиалу с жидкой рисовой кашей он так и не тронул — она сиротливо остывала на тумбочке, пока комнату не поглотили сумерки.

Он мог проводить в забытии круглые сутки, свернувшись калачиком под одеялом и не меняя позы часами. Если бы не слабое, прерывистое дыхание, его можно было принять за покойника.

Странно: в желудке у него не было ни крошки, но приступы рвоты накатывали один за другим. Наружу выходила лишь горькая, жгучая желудочная кислота.

В те дни по огромному особняку семейства Чжоу поползли зловещие слухи. Слуги шептались, будто в доме завелась нечисть: то днём, то посреди ночи из пустых коридоров доносился приглушённый, надрывный плач. Кое-кто даже уверял, что это вернулась душа нерождённого младенца госпожи Ван, требующая возмездия за свою безвременную кончину.

Впрочем, мистический туман быстро рассеялся, когда горничная, приставленная ухаживать за Ли Чжи, не выдержала и пресекла сплетни:

— Да какие ещё призраки... Глупости всё это. Но плач действительно слышен, тут вы не врете.

— Только плачет не привидение, а наш молодой господин.

Смакуя подробности, она заговорщически понизила голос перед собравшимися на кухне служанками:

— Ревет без всякой причины. Сидит один в темноте и плачет... А позавчера в ночную смену идя мимо его спальни, слышу — всхлипывает так жалобно. Думала, плохо парню стало, испугалась, забегаю... И что вы думаете? Спит как убитый! Представляете, спит и плачет во сне.

— Но и это ещё не всё... — она резко замолчала, подозрительно огляделась по сторонам и

придвинулась ближе к товаркам. — Вчера днём я прибиралась у него и под кроватью такое нашла...

Остальные служанки мгновенно подались вперёд, ловя каждое слово. Стоило ей закончить рассказ шёпотом, как лица женщин вытянулись от изумления и страха:

— Да ладно! Зачем нормальному парню прятать у себя такое? Это же смертельно опасно!

— Да откуда мне знать? — горничная испуганно прижала ладонь к груди. — Я даже трогать не решилась, задвинула обратно, как лежало. Только вы смотрите у меня, никому ни слова!

Служанки дружно закивали, уверяя в своей немоте, но шила в мешке не утаишь. Буквально через два дня в спальню Ли Чжи без стука вошла Ван Сяочунь в сопровождении челяди. Стоило хозяйке многозначительно повести бровью, как следовавший за ней по пятам дворецкий Чжан мёртвой хваткой вцепился в ту самую горничную и вытолкнул её вперёд.

— Показывай! — грозно приказал он. — Где то, о чём ты трепалась на кухне?!

Перепуганная до полусмерти служанка, шатаясь от страха, побрела к кровати. Ли Чжи, до этого момента пребывавший в полудреме, окончательно проснулся от резкого окрика дворецкого.

Он непонимающе моргал, пытаясь сообразить, что происходит, пока горничная не опустилась на колени и не вытащила из-под кровати невзрачную жестяную коробку.

Осознание вспыхнуло в сознании Ли Чжи слишком поздно. Он мог лишь беспомощно наблюдать, как дрожащие руки служанки открывают крышку, выставя его постыдную тайну на всеобщее обозрение. Жестянка была доверху забита опасными лезвиями, канцелярскими ножами и раскладными «бабочками».

На некоторых лезвиях зловеще темнела бурая, давно засохшая кровь.

— Госпожа Ван!.. — выдохнул побледневший дворецкий Чжан и бросился поддерживать хозяйку под локоть.

Но Ван Сяочунь устояла на ногах, резким жестом оттолкнув его руку. Сделав глубокий вдох, она ледяным тоном скомандовала стоявшим позади слугам:

— Раздвиньте шторы. Живо!

С резким шуршанием тяжёлый бархат разошёлся в стороны. Комнату, больше недели тонувшую во мраке, мгновенно затопил безжалостный солнечный свет. Ли Чжи, чьи глаза

давно отвыкли от яркого солнца, болезненно сощурился, инстинктивно вскидывая руку, чтобы защитить лицо.

— Больно же!.. — глухо застонал он.

Подросток попытался спрятаться под одеяло, но ослабевшее тело не слушалось, напоминая заржавевший механизм. Едва он успел укрыться до половины, как одеяло безжалостно сдёрнули. В следующую секунду цепкие пальцы Ван Сяочунь схватили его за левое запястье и резко задрали рукав пижамы. Ли Чжи рванулся назад, пытаясь высвободить руку, но хватка матери оказалась пугающе крепкой.

В окружении сверстников он никогда не носил одежду с коротким рукавом, ссылаясь на выдуманную аллергию на солнце. Даже в удушающий летний зной он кутался в свободные рубашки или набрасывал поверх футболок лёгкие ветровки.

Даже его домашние пижамы всегда были закрытыми.

Истинная причина была прозаична: возможности человеческой кожи к регенерации имеют свой предел. Когда порезы на запястьях перестали заживать бесследно, превратившись в багровые, уродливые рубцы, ему не осталось ничего другого, кроме как прятать их от чужих глаз под плотной тканью.

Самый постыдный, тщательно оберегаемый секрет лежал перед всеми в своей нагой уродливости. Ван Сяочунь медленно разжала пальцы. Сделав глубокий вдох, она осторожно отвела с его лба взмокшие пряди волос. Её прикосновение было невероятно, пугающе нежным.

— Когда ты начал это делать, Сяо Чжи?

— Я... — у юноши перехватило дыхание, к горлу подступил удушливый ком. — Я не помню. Правда не помню.

— Мама понимает, — тихо проговорила она, пристально вглядываясь в его исхудавшее лицо. — Это всё из-за школы. Нагрузка слишком велика, только и всего. Обычный срыв из-за учёбы.

Ли Чжи хотел мотнуть головой, возразить, но тяжёлый, липкий взгляд матери сковал его движения, словно могильная плита. Дышать стало нечем.

— В этом нет ничего страшного, — добавила она. — Совершенно обычное дело.

Никто в комнате не ожидал от неё подобной реакции. Дворецкий Чжан на секунду опешил, но стоило Ван Сяочунь бросить на него короткий предупреждающий взгляд, как он поспешно выдавил заискивающую улыбку:

— Да-да, конечно! Госпожа совершенно права. От напряжения сдали нервы, с кем не бывает. Пару недель отдыха — и молодой господин будет как новенький.

— Вот видишь. Пустяки, — уголки губ Ван Сяочунь изогнулись в безупречной, холодной улыбке. Она наклонилась и слегка похлопала Ли Чжи по бледной щеке. — Скоро всё пройдёт, мой хороший. Ты обязательно поправишься.

Подросток смотрел на неё как на чужую. Её пальцы были тёплыми и гладкими, но для него это прикосновение отозвалось мертвенным холодом, пробирающим до самых костей.

— Госпожа Ван, а как же господин?.. — несмело подал голос дворецкий.

— Глупости какие спрашиваешь, Лао Чжан, — снисходительно усмехнулась она. — Разве я не сказала? Это сушая ерунда. К чему тревожить Госюна по пустякам? У него и так полно забот с зарубежными партнёрами. Ты ведь у нас человек неглупый и прекрасно понимаешь, о чём стоит докладывать хозяину, а о чём лучше промолчать.

Намёк был понят без лишних слов. Дворецкий усердно закивал, выражая полную покорность. Ван Сяочунь брезгливо махнула рукой, отсылая слуг прочь. Едва за ними закрылась дверь, она, даже не взглянув на лежащего на кровати сына, скользнула обратно к выходу на балкон.

Щелкнула зажигалка. Женщина прижала сигаретный фильтр к покрашенным помадой губам и глубоко затянулась. Она только что вернулась из офиса корпорации Чжоу. Сейчас её супруг Чжоу Госюн находился за границей, курируя масштабный проект, и все внутренние дела временно легли на её плечи.

Госюн долго не соглашался подпускать её к управлению бизнесом. Но её упорство вкупе с недавней трагедией — потерей нерождённого ребёнка — сделали своё дело. Чувство вины взяло над мужчиной верх, и он уступил, позволив доверенным директорам ввести супругу в курс дела.

Она долго пробыла за рубежом и лишь недавно вернулась в город S. Бизнес не прощал промедлений, правила игры менялись ежедневно. Ей требовалось как можно скорее освоиться на новом поприще и доказать свою состоятельность, чтобы у мужа не возникло и тени сомнения в её компетентности.

Пока она молода и привлекательна, Госюн любит её. С учётом не угасшего чувства вины он готов потакать любым её капризам. Но молодость скоротечна, а раскаяние имеет свойство притупляться со временем. Что тогда останется у неё?

Груз ответственности давил на плечи. Старые волки в совете директоров Чжоу спали и видели, как бы вышвырнуть выскочку из правления, открыто выражая недовольство решением Чжоу Госюна подпустить жену к делам корпорации.

В такой судьбоносный момент она не могла позволить себе слабость. Никаких отвлекающих факторов, никаких ошибок, которые недоброжелатели могли бы использовать против неё. Мысли выстроились в чёткий, прагматичный план.

Ван Сяочунь с силой прижала тлеющий окурок к кованым перилам балкона, разблокировала телефон и быстро набрала номер. Ли Чжи сквозь шум в ушах не мог разобрать её приглушённый разговор. Договорив, она убрала гаджет и неторопливым шагом вернулась в спальню.

— Сяо Чжи, — она склонилась над ним так низко, что кончики её чёрных вьющихся локонов коснулись его груди. — Ты ведь послушный мальчик, правда?

Юноша заворожённо смотрел на неё, не в силах сопротивляться этому давлению. Словно безвольная кукла, он послушно кивнул. На большее у него просто не осталось воли.

— Помни: всё, что я делаю, только ради твоего блага, — её ладонь скользнула по его щеке, и острый ухоженный ноготь оставил на бледной коже глубокую красную отметину. — То, что я привезла тебя в семью Чжоу, устроила в эту элитную школу... и многое другое, о чём ты даже не догадываешься. Всё это ради тебя. Сяо Чжи, у меня ведь нет никого, кроме тебя.

— Я больше никогда не смогу родить, сынок... Ты же понимаешь это? Мама любит тебя.

Зубы Ли Чжи мелко застучали. Липкий, первобытный страх, передавшийся ему с молоком матери, опутал тело невидимыми путами, подавляя малейший намёк на протест. Не имея сил сопротивляться, он продолжал монотонно кивать.

Ван Сяочунь удовлетворённо улыбнулась:

— Вот и славно. Будь умницей. Обязательно будь послушным.

На следующее утро Ли Чжи перевезли в больницу.

<http://bllate.org/book/20441/2172596>